

После очередного спектакля в родном Марджановском театре, в котором служит с 1954 года, он едет домой в метро, надвинув кепку на глаза, «человек в себе» с необычной внешностью, но зачастую неузнанный в толпе. Бальзак говорил, что по-настоящему талантливый и модный человек не выделяется в толпе. А если выделяется, то что-то в нем не так.

Впрочем, как сказал актер, российскому зрителю он известен, быть может, больше, чем грузинскому. Увы, не все в Грузии помнят его графа Калиостро. С недавних пор его знают как Барона — после сериала «По имени Барон», получившего в прошлом году «ТЭФИ».

Жаль лишь, что номинации за лучшую мужскую и женскую роль в сериалах на телевидении ввели только сейчас...

— Хорошая роль — когда в ней есть человеческое начало. Но главное — мужское и женское начало. Без этого просто неинтересно. Допустим, есть эмоциональный актер, очень грамотно работает, но какие-то буфера у него. Делай что хочешь — ничего не получится. Не трогай это зрителя.

В таких ролях, как Яго, Калиостро, Барон, без мужского начала не обойтись. Очень опасно не иметь его и играть.

Есть актеры, которые с блеском стоят на сцене. Но все же знаешь, чувствуешь, что неорганично это. Некий Актер Актерич. Самоутверждение — обязательный процесс в человеке, но только не напоказ. Поэтому в жизни я... не скажу «неинтересный», но... Старик я! С самого начала, с детства такой.

— Что вам в себе не нравится?

— Лень! Я ленивый. Иногда вообще ничего не хочу делать, даже работать, потому что во время работы я становлюсь другим. Лучше! И энергия появляется, и радость — очень много радости. Еще радует то, что у меня продолжение есть: сын, внуки, что я сохраняю честь моей семьи.

Надо любить. Потому что любовь — это Бог. А раз Бог — надо любить другого, конечно. И любить врага — я до этого еще не дошел. Любить в человеке добро и бороться с плохим в нем.

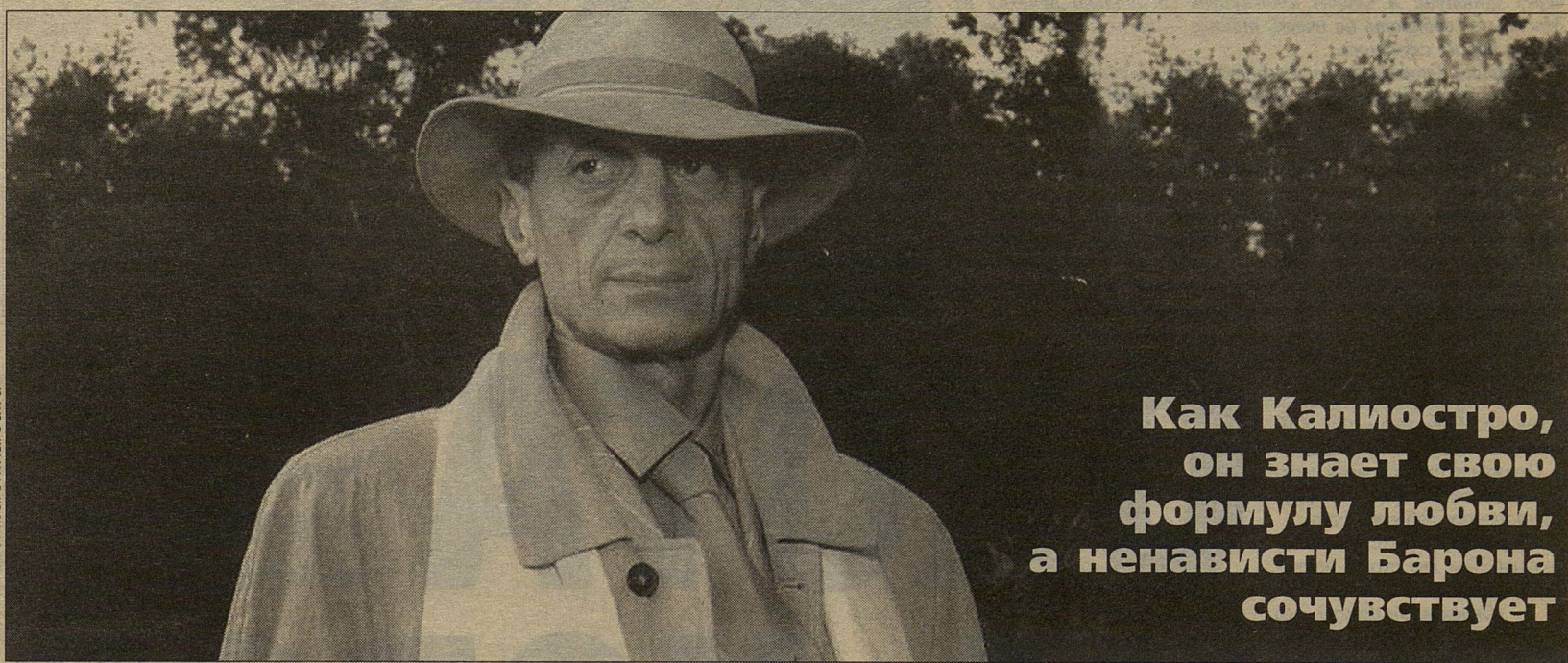
— В христианстве именно так: ненавидь грех и люби грешника...

— Я и сам грешу. Но самое страшное — убивать, особенно если человек убивает сам себя. Физически и морально. Когда настанет последняя минута, тогда и будет все известно, и главным окажется — как ты жил. Какая жизнь была, такая и наступит смерть... Вот этот момент очень интересный. Надо жить так, чтобы умереть радостно.

Не надо бояться смерти! Необходимо приучить себя к тому, что бояться нельзя. Да и откуда ты знаешь, что никого не увидишь после? Вообще, человек верит в то, что он видит. Чувствовать — другое. Когда не видишь и чувствуешь какие-то вещи — это уже вера. В таком плане я верующий. Потому что чувствую, что кроме тебя и жизни что-то управляет нами. Во Вселенной не только Земля, и надо думать о том, что ты не главный на земле... По-моему, кто-то уже написал сценарий.

Есть гениальные фильмы и спектакли — причем не все из них по вкусу зрителю, и потому возникает впечатление, что понятие гениальности — условное, а не универсальное. Но существует еще бесспорная категория (и почему до сих пор никто не додумался ввести ее при вручении различных наград?): любимые фильмы и театральные постановки. Многие, как модно сейчас говорить, стали культовыми (верится, что они ближе к культуре, а не к шоу-бизнесу).

«Формула любви» Марка Захарова — из этой категории. Актеры, «засветившиеся» (и тут отсылать бы сленговое словечко к изначальному корню: свет) в таких картинах, часто отождествляются со своими героями. Так, образ графа Калиос-

Нодар МГАЛОБЛИШВИЛИ:

ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ ЧУВСТВ. В ЧАСТНОСТИ — ДЛЯ ШЕСТОГО

тро для российского зрителя неразрывно связан с обликом Нодара Мгалоблишвили.

Как-то Тонино Гуэрра сказал о концовке фильма «Джонни Депп и Фред», сценарий которого написал, что, когда в финале картины Марчелло Мastroiani, играющий постаревшего Фреда Астера, падает на пол, — это падает все человечество.

В определенном смысле такая же пропорция отношений актера со своими персонажами и у Нодара Мгалоблишвили. Он больше, чем просто граф Калиостро (в фильме, разумеется), — абсолютно иной, в стороне. Он больше, чем Барон, и не только потому, что дает своему герою глубокую психологическую нагрузку, чем было замыслено. Что-то иное мелькает в его лице.

Многие его герои и на экране, и на сцене выделяются, стоят особняком, они немного отстранены и, иногда кажется, более значимы, чем были задуманы режиссером или сценаристом...

— Знаете, актер должен играть для себя. Это, может быть, неправильно сказано. Но если он играет на зрителя — это плохо. То есть иногда он должен чувствовать, что перед ним — не сцена. Был такой случай: шел спектакль «Потомство», Верико Анджапаридзе играла мою бабушку. И там есть сцена: когда она уходит за кулисы (в другую комнату) и ее последний взгляд устремлен на меня — героиня очень любит своего внука. И после этого она умирает. В ее взгляде — предчувствие конца.

Она смотрела на меня, уходила и напоследок улыбалась всегда.

В один прекрасный день мы, как обычно, играли: она взглянула на меня и уже должна уйти, но вдруг подошла ко мне. Подошла — и смотрит, смотрит, и у нее потекли слезы. И это так подействовало на меня, что я тоже заплакал. Она улыбнулась и ушла. Больше такого не случилось никогда. Это был единственный случай. Но его я за-

но так сказать, у таких натур, как Яго, например. Барон — другой. Это человеческая трагедия. Потому что мы увидели в детстве что-то такое, после чего появляется чувство вендетты. Из-за семьи, из-за отца. Он ушел от своей веры и, конечно, должен погибнуть. Это точно. Он должен погибнуть. Но случай с Яго — иной. Он тоже озлоблен, но Яго всегда оправдывает себя, а Барон — нет. Надо

лексов... Когда ему что-то говорили, он верил. Надо быть чувствительным и верящим — верить человеку. А мы стали другими. Мы не верим друг другу. А правительство вообще против своего народа.

— История с вашим отказом от ордена Чести шумела и в Грузии, и в России...

— Да, все хотят от меня услышать. Сейчас повторяться — получится, как у депутатов: вы-

мы вообще из жизни — жизнь продолжится. Продолжение всегда должно радовать человека.

— Что для вас одиночество?

— Одиночество — это самопознание. В одиночестве человек познает себя. Можно быть одиноким и в обществе.

— Если бы вы были режиссером, что бы поставили?

— «Гамлета». Но сам я бы никогда не сыграл Гамлета. У меня нет возможности.

Как Калиостро,
он знает свою
формулу любви,
а ненависти Барона
сочувствует

Вообще, если мне понравится роль или пьеса, могу и бесплатно работать.

— Ради какого произведения вы бы согласились бесплатно работать?

— Я бы Калигулу хотел сыграть. Хотя пьеса не нравится. Что еще? Шекспира.

— Со своим героем, Калиостро, вы бы хотели встретиться?

— Можно было бы, конечно, но... неинтересно. Не в моем вкусе. Играть — это другое. А встречать таких людей в жизни не хочу.

— Представим тогда, что вам дается возможность со временем создания человека на Земле встретиться с любыми людьми. Кого бы вы выбрали?

— Цезаря... очень интересно. Клеопатру... Шекспира... Давида Строителя... Баха... Карузо... Моцарта очень интересно... Ну, думаю, больше не надо — не хватит жизни.

— О чем бы вы спросили их?

— «Что главное в жизни?».

Я-то теоретически знаю, что самое главное для человека — чувство любви. Но... А что значит любовь? Любовь разная бывает. К другому полу, допустим, к родине, к своему потомству... Но еще что-то надо человеку, а что — я не знаю.

— Формулу любви не так просто вывести...

— Любовь для меня — это большое внимание. Я не знаю, как определить сейчас. Внимание: делать все, что нравится другому.

— Вам важнее быть любящим или любимым?

— Любящим. Если любит кто-то меня, значит, я тоже люблю его. Потому что я завишу от другого. По-моему, в человеке преобладает чувство. От него идет и знание.

Человек создан для чувства.

● Инна КУЛИШОВА
Тбилиси

уметь увидеть, в чем герой виноват и в чем прав.

— Вы говорили, что не очень любите сниматься в кино. Почему?

— Потому что в театре, во время репетиции, у меня есть какая-то свобода, когда я все делаю, а во время съемки пять минут снимают, а потом два часа стоим. И болтают... Я не могу так. Непонятно: пять минут — и все.

— А сам процесс съемки вас не увлекает?

— Но там же нет репетиции. Искать новое невозможно. А смотреть хорошее кино люблю.

— Вы считаете себя реализованным человеком?

— Нет. Наверное, нет. Я очень любил петь. Но не вышло.

— Почему?

— Когда я кончал школу, умер мой отец: 9 апреля 50-го года. Он лежал полтора года без сознания. Я тогда пел в техникуме. И потерял голос. Потом сдавал в ГПИ — срезали на математике. У меня был друг. И он сказал: «Нодар, ты же хочешь стать певцом, давай поступай в актерскую школу. Я — на режиссерский, а ты — на актерский». Ну я выучил что-то, прочел... И приняли меня. После этого я, конечно, забыл, что должен петь.

— Актеру надо быть умным человеком?

— В актере важна эмоциональность, а базис — знание. Надо читать, развиваться, чтобы дойти до первоначального человека. Такого же яркого, без комп-

хотят, все время одно и то же говорят. Выпендриваться не люблю. Это длилось целый год. Упрасивали, упрасивали. Я говорю: «Не возьму». И через год они принесли орден в театр. «Пускай лежит здесь», — сказал. Потом передали, что я орден получил. На следующий день взял его и положил на стол министра.

У Достоевского в «Вечном муже» — в театральной версии Т. Чхеидзе Нодар Мгалоблишвили играет Трусоцкого — есть такие слова: «Согласись, это сильная болезнь века, когда не знаешь, кого уважать».

— Что больше всего беспокоит вас сегодня?

— Беспокоит, что родина наша в плохом состоянии. И вообще человечество. Напряженная ситуация во всем мире. И поэтому когда открываешь глаза утром и находишь себя живым, это радует и беспокоит в одно и то же время.

Радуюсь, потому что все равно жизнь прекрасна — смотреть на людей, на природу. Смотреть, как люди переживают какие-то свои проблемы... Немало я жил на свете. Много знаю и ничего не знаю.

— А какой девиз вы могли бы назвать своим?

— Творить. И не мешать другому. Надо создавать такую атмосферу, что без тебя можно жить. Не надо думать, что без тебя ничего не получится. Уйдя я — театр будет существовать. Уйдем